

2 июля

Сириус,

Я поговорил с твоей матерью. Она благодарна тебе за то, что ты чувствуешь угрызения совести за весь позор, который ты ей причинил своими неблагоразумными поступками, и за то, что ты пришел в себя относительно семьи и своего долга. Она попросила меня пригласить тебя на ужин в субботу вечером, потому что она хотела бы услышать твои извинения лично. Она не простила тебя, твои действия были настолько предательскими, что я думаю, ей будет очень трудно. Однако, если ты действительно раскаешься и займешь свое место, как она хочет, она будет обращаться с тобой вежливо.

Она также настаивает, чтобы мисс Дагуорт-Грейнджер сопровождала тебя — она отправила письмо мисс Фер с просьбой разрешить присутствие ее дочери. (Она почти улыбнулась, когда я сказал ей, что слухи были правдой.)

С уважением,

Поллукс.

«Сумасшедшая карга!» Сириус зарычал, сжимая письмо в кулаке и швыряя его в мусорную корзину в углу своего кабинета.

Лицо Фрэнка Долгопупса появилось над стеной высотой по грудь, разделявшей каждое рабочее место. «Неприятности с девчонками, Блэк?» — спросил он, ухмыляясь.

«Ха», — сказал Сириус, — «Не те, о которых ты думаешь, Фрэнк. С матерью».

Фрэнк поморщился, «Я знаю, как это бывает. Чертовски страшные звери, не так ли? Мерлин... и я женат, и у меня есть ребенок, она теперь должна быть со мной милой, должно быть, твоя чертовски груба с тобой».

Сириус рассмеялся, «Да, жена и дети, это в значительной степени выручает тебя из любых неприятностей».

Фрэнк кивнул: «Хотя они все еще грубы с женами, ты должен был послушать, как Алису жалуется на мою маму, бедняжка Невилл... если мы переживем эту войну, любой его девушке придется быть довольно крепким орешком».

Сириус усмехнулся. Фрэнк был прав. Если бы Августа была еще жива, когда Невилл начал хорошо встречаться... они с Элис были бы довольно грозными.

«Так чего же хочет твоя мать? Я не думал, что ты с ними разговариваешь».

«Как обычно», — сказал Сириус. «Перестань быть Предателем Крови... женись... позор мне... и так далее, и так далее».

«О, точно», — сказал Фрэнк, выглядя немного жалко его, внезапно его глаза расширились, устремившись на что-то за плечом Сириуса, прежде чем поспешно спрятаться за стенку кабинки.

БАХ! Трость обрушилась на стол Сириуса в дюймах от его руки. «Хватит сплетничать о твоих проблемах с мамой, Блэк». Пролаял голос Муди. Сириус подпрыгнул и огляделся. «Назад за работу! Ты тоже Долгопупс!» Грюм заковылял прочь, Сириус слышал, как он ворчит себе под нос о пустых тратах времени.

Когда Сириус тем вечером покидал Министерство, он думал, как он рад, что Фрэнку не пришлось прятаться, как Джеймсу. Он и Фрэнк никогда не были лучшими друзьями, но он был дружелюбным и заслуживал доверия. В наши дни невозможно доверять кому-либо в Министерстве, кто не состоял в Ордене. Хотя, понял Сириус, когда в его голове промелькнул Червехвост, Орден тоже не был гарантией. Фрэнку не нужно было оставаться дома, как Джеймсу, потому что Августа была там, чтобы защищать Алису и Невилла вместе с несколькими дядями Фрэнка. Они тоже были чистокровной семьей. Было бы подозрительно, если бы они скрывались.

С другой стороны, Лили не на кого было положиться в такой ситуации, и Орден не мог выделить охранников для нее и Гарри, когда Джеймс мог быть там. Он был достаточно богат, чтобы не работать. Поэтому Дамблдор поселил их в магически защищенном доме, о котором мало кто знал. Он не хотел вызывать подозрения у многочисленных шпионов, что они серьезно относятся к пророчеству. Джеймс и Лили прятались не так уж и редко, Лили все-таки была маглорожденной. Поэтому Джеймс оставил свою работу, а Сириус не мог думать ни о чем, кроме счастливого дня, когда Волан-де-Морт будет мертв, и они все смогут вернуться к нормальной жизни.

Он добрался до переулка, который работники Министерства использовали в качестве точки трансмиграции, и завернул за угол, бросив взгляд налево и направо, чтобы убедиться, что поблизости нет маглов, он сосредоточился на балконе Гермионы и повернулся в темноту.

Тап-тап-тап,

Гермиона подняла глаза от книги — она перечитывала отрывок о сдерживании Адского пламени, ее палочка неосознанно дергалась в руке, когда она отработывала движение запястья. Сириус стоял за французскими дверями, ухмыляясь как дурак и размахивая куском скомканного пергамента. Она была так погружена в чтение, что забыла о времени.

Последние три недели Сириус заходил к ней каждый день по пути в свою квартиру после работы, а иногда и на выходных. Обычно они пили чай, и он рассказывал ей новости из Министерства или Ордена. Если новостей не было, он спрашивал ее о том, как она провела

время в Хогвартсе с Гарри — его любимыми были захватывающие поимки снитча. Это была приятная маленькая рутина, он обычно оставался только на час или около того, прежде чем шел на ужин к Ремусу или, иногда, к Джеймсу и Лили.

Она знала, что ему нравится ее компания, в понедельник он сказал ей, что хорошо поговорить с кем-то, у кого осталась хоть капля надежды. Гермиона указала на иронию, что она была единственной, кто знал, как ужасно все должно было стать, и все же, она была той, у кого была надежда.

Однако она не могла не согласиться с ним, она была удивлена дружбой, которая у них сложилась всего за три недели, для нее, как она предполагала, это не было таким уж странным — она знала его раньше. Но теперь он был совсем другим, смеялся, шутил и был полон энергии, ей было так грустно, что Гарри не знал этого Сириуса. Хотя, она думала, что если бы он знал, потерять его в Министерстве было бы для него еще тяжелее. Сириус был заразителен. Совершенно безумен, но было что-то, что заставляло тебя хотеть быть его другом. Гермиона всегда задавалась вопросом, почему кто-то такой спокойный и разумный, как Ремус, терпел его — вот почему. И видя их вместе на выходных, она поняла это в полной мере.

Гермиона отперла дверь взмахом палочки, одновременно ставя чайник кипятиться.

«Ты выиграл в лотерею?» — спросила она, глядя на пергамент в его руке, когда он закрыл за собой дверь.

«Что? Э-э... нет. Это приглашение на ужин от моего дедушки». Он протянул ей его, прежде чем схватить воротник своей министерской мантии и снять ее через голову.

«Я никогда не думала, что увижу, как ты улыбаешься письму от своей семьи», — сказала Гермиона, слегка позабавленная видом его, застывшего, наполовину без мантии.

Отряхнув голову от тяжелой ткани, он сказал: «Хорошее замечание», и на лбу у него проступила легкая морщинка. Он вытащил руки из мантии и бросил ее на спинку дивана, плюхнувшись за маленький столик. «Гораздо лучше», — сказал он, потягиваясь. «Когда же волшебники научатся? джинсы и футболки — гораздо более подходящая одежда». Он указал на себя, а затем на Гермиону. Они оба были в джинсах, но его футболка была серой с надписью «S.L.F» ярко-красными буквами, а ее — простой и светло-голубой.

«Да», — сказала она, — «Кому какое дело до Риддла? Давай возглавим кампанию по уничтожению мантий».

«Хм...» Он сказал, — «Ну, нам может понадобится новый манифест, который звучит так, будто мы пропагандируем наготу», — затем ухмыльнулся, — «не то чтобы я возражал против этого. Но, возможно, мы потеряем поддержку».

«Ладно», — сказала она, слегка посмеиваясь себе под нос.

<http://tl.rulate.ru/book/105333/4555316>